

УДК 930(470)

doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-17-24

«КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ»: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© **Васильева Светлана Владимировна**

доктор исторических наук, доцент
кафедра всеобщей и отечественной истории
Бурятский государственный университет
E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

© **Фартусов Дмитрий Борисович**

ведущий специалист Научной библиотеки
Бурятский государственный университет
E-mail: d.fartusov@mail.ru

В статье рассматривается потенциал «Книги Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» как исторического источника. Проведя анализ данных, имеющихся в 7 томах «Книги памяти жертв политических репрессий», авторы статьи выяснили данные статистико-демографического характера. В частности, определили половозрастной и национальный состав, уровень образования, количество служителей религиозных культов и меры наказания людей, внесенных в 7 томов Книги Памяти. В заключении авторы отмечают, что такие издания, как Книга Памяти, основу которых составляют архивные источники, являются ценным историческим документом, так как облегчают процесс анализа и сопоставления данных.

Ключевые слова: политические репрессии, СССР, БМАССР, Бурятия, «Книга Памяти жертв политических репрессий», исторический источник, террор.

Вовлечение широкого круга исторических источников является первостепенной задачей для исторической науки. Поэтому в данной статье мы рассмотрим Книгу Памяти с точки зрения источниковедческого потенциала для изучения истории репрессий в БМАССР.

При издании Книги Памяти составители использовали широкий круг неопубликованных документов, хранящихся в архивах УФСБ и Прокуратуре Республики Бурятия. В Управлении ФСБ по РБ хранятся непосредственно уголовные дела, заведенные по печально известной 58 ст. УК РСФСР 1926 г. В Прокуратуре же хранятся «Справка о реабилитации» и «Заключение по уголовному делу», которые были заведены при рассмотрении уголовных дел из ФСБ в процессе реабилитации. Опираясь на эти документы, составители Книги Памяти по каждому человеку формировали подробную запись, куда входили такие сведения, как ФИО, дата и место рождения, род занятия, семейное положение, дата ареста и приведение приговора в исполнение, орган, рассматривавший дело, дата реабилитации и т. д.

Проведя исследование данных, содержащихся в «Книге Памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия», получили статистические данные, характеризующие репрессивную государственную политику в Бурятии. Книга памяти состоит из 7 томов, в которые внесено 12 753 записи. К сожалению, не во всех записях присутствует полная информация, это связано с тем, что делопро-

изводство в 1920–1940-е годы в СССР было некачественным. Например, о национальности нет информации у более чем 8 тысяч человек. Такая же картина и по другим критериям.

По данным двух переписей, проведенных в 1926 и 1939 годах, в Бурят-Монгольской АССР проживало 526 и 624 тысячи человек соответственно [9, с. 349]. Также из этих переписей известно, что численность бурят составляла в 1926 году 237, а в 1939 — 216 тысяч [5, с. 82], т. е. буряты составляли приблизительно 1/3 населения Бурят-Монголии. В то же время число осужденных этой национальности, занесенных в Книгу Памяти, на 13% меньше, чем русских, численность которых в Бурят-Монголии в 1930-е годы превышала 50%. Из данных таблицы 1 можно заключить, что репрессии имели некоторый национальный оттенок. Об этом говорит и тот факт, что третьей по численности национальностью, подвергшейся репрессиям, являются китайцы.

Таблица 1
Национальный состав [6]

Национальность	Процент	Количество
Русские	15,86	2 023
Буряты	13,89	1 772
Китайцы	1,45	185
Украинцы	0,79	102
Евреи	0,39	51
Другие национальности	3,32	424
Нет сведений	64,26	8 196

Таблица 2 отображает уровень грамотности среди жертв политических репрессий, внесенных в Книгу Памяти. Критерии грамотности в 30-е годы XX века были довольно низки; для того чтобы считаться грамотным, достаточно было читать по слогам и написать свою фамилию. Но даже при таком критерии не была «достигнута» широко разрекламированная пропагандой «сплошная» грамотность, что подтверждается данными таблицы, по крайней мере, среди жертв политических репрессий. Также уровень грамотности можно проследить по архивным делам, хранящимся в отделе специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия. В этих делах часто люди расписывались отпечатком пальца [16, Л. 5].

Что же касается уровня высшего образования в России того периода, то среди мужчин он был равен 1,7% (1939 г.) [5, с. 183]. Так как мужчины составляли подавляющее большинство среди внесенных в Книгу Памяти (см. таблицу 3), то данная цифра наиболее подходит для сравнения. Количество политических осужденных с высшим образованием, внесенных в Книгу Памяти, немногим мень-

ше, чем процент мужчин с высшим образованием по стране. Данный факт говорит о достаточно большом количестве людей с высшим образованием среди жертв политических репрессий, внесенных в Книгу Памяти.

Таблица 2
Уровень образования [6]

Уровень образования	Процент	Количество
Всего грамотных	87,05	11 076
Среднее образование	2,15	273
Высшее образование	1,57	199
Неграмотные	12,95	1 647

Данные таблицы 3 дают сведения о половой принадлежности людей, включенных в «Книгу памяти жертв политических репрессий». Сведения, отраженные в этой таблице, говорят о том, что в Бурят-Монголии в 1920–1930-е годы во многом сохранялись черты традиционного общества, где женщина еще не была субъектом права в массовом порядке.

Таблица 3
Половая принадлежность [6]

Пол	Процент	Количество
Мужчины	97,81	12 474
Женщины	1,95	249

Из материалов таблицы 4 видно, что самая малочисленная возрастная категория — это осужденные до 30 лет. Молодые люди, выросшие и воспитанные в СССР, в большинстве своем действительно верили в те идеалы, которые пропагандировались с утра до вечера. В пользу этой точки зрения говорит и средний возраст осужденных, который составляет 47,2 лет. Люди более зрелого возраста, имевшие опыт проживания при другом политическом строе, обладали возможностью сравнивать условия, что могло толкать их на некоторую оппозиционность мышления и действий.

Таблица 4
Возрастные показатели [6]

Возраст	Процент	Количество
Старше 50 лет	39,4	5 025
От 30 до 50 лет	46,13	5 884
Младше 30 лет	14,45	1 844
Средний возраст		47,2
Самый молодой		17
Самый пожилой		82

Таблица 5 отражает количественные данные по месту ареста осужденных, разбивка общего потока ведется на районы и г. Улан-Удэ. Из материалов таблицы видно, что 1/3 жертв политических репрессий арестована в г. Улан-Удэ. Это говорит о масштабах урбанизации и индустриализации, в рамках которых выросло население города. Далее идут четыре района—«лидера» по арестованным на их территории: Селенгинский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Закаменский. Данные районы отличались тем, что в них зафиксировано наибольшее сопротивление проводимым советской властью социальным преобразованиям, а также эти районы выделялись относительно большей численностью населения в сравнении с другими.

Таблица 5
Распределение арестованных по территориальному принципу [6]

Район	Процент осужденных	Количество осужденных
г. Улан-Удэ	36,6	4 668
Селенгинский	9,03	1 152
Кяхтинский	7,62	972
Мухоршибирский	7,26	926
Закаменский	7,08	904

По данным Ю. П. Шагдурова [15, с. 70], в Бурятии с 1917 по 1922 г. православное духовенство насчитывало 137, буддийское духовенство — 7 419, а старообрядцы — 81 человек. Отсюда следует, что 78,1% православных священников, проживавших на момент революции и Гражданской войны, занесены как

жертвы репрессий в Книгу Памяти. В то же время в Книгу Памяти занесены только 10,6% буддийских священнослужителей из проживавших в Бурят-Монголии в 1917–1922 годах (таблица 6). Это говорит о явной направленности антирелигиозной политики большевиков преимущественно против православной церкви. «Первые репрессивные меры, предпринятые против церкви на территории бурят-монгольских автономных областей в составе ДВР и РСФСР, начались в 1920 г. Эти меры, как и в общероссийском масштабе, касались в основном православия. Местным властям предоставлялась некоторая степень самостоятельности решений религиозных вопросов, учитывая специфику обстановки в регионе» [14, с. 52–53].

Таблица 6
Служители религиозного культа [6]

Служители культа	Процент осужденных	Количество осужденных
ламы	6,2	791
священники	0,83	107
уставщики	0,18	23
начетчики	0,12	16

Интересные данные представлены в таблице 7. Из них видно, что почти 1/3 уголовных дел прекращались и не доходили до приговора. Вряд ли это может говорить о гуманности судебно-следственной системы или о том, что следователи, во всем «разобравшись», освобождали невиновных. Возможно, данный показатель говорит о некоторой коррупционной составляющей, а также о том, что в процессе «выбивания» «нужных» показаний, среди подследственных был большой процент смертности. Под другой формулировкой в данной таблице понимается: зачет в виде наказания времени нахождения под стражей, принудительное лечение, высылка за границу, принудительные работы без лишения свободы и штрафы.

Таблица 7
Меры пресечения [6]

Мера пресечения	Процент осужденных	Количество осужденных
ВМН	16,32	2 081
от 10 до 20 лет лишения свободы	18,65	2 378
от 5 до 10 лет лишения свободы	21,9	2 793
5 лет лишения свободы и менее	11,9	1 518

выслано	5,56	709
прекращено дел за отсутствием доказательств либо за смертью подсудимого	25,64	3 274

Проведя исследование «Книги Памяти жертв политических репрессий», мы получили ценную информацию статистико-демографического характера. Мы узнали сведения о национальном, половозрастном составе, уровне образования и меру пресечения лиц, отраженные в 7 томах «Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия». Так же узнали, из каких районов были репрессированы осужденные, число священнослужителей и их принадлежность к конфессии (православие, буддизм, старообрядчество). Мы надеемся, что эти данные помогут глубже и объемнее понять репрессивный механизм на местном уровне, а также помогут осознать трагическую судьбу российского народа. Таким образом, такие издания как «Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия», на наш взгляд, могут служить дополнительным историческим источником, уточняя некоторые аспекты того или иного процесса. Также Книга памяти приобретает дополнительную ценность как исторический источник в связи с тем, что при ее издании собираются, обобщаются, систематизируются данные, хранящиеся в архивных документах, что позволяет ускорить и облегчить процесс анализа и сопоставления фактов.

Литература

1. Malygina O. A., Evtehov R. A., Palikova T. V. The formation of imperial institutes of governance in trans-baikal transborder area: problems of development of new territories (XVIII – early XX centuries) // Былые годы. Российский исторический журнал. № 42 (4). 2016. С. 1110–1117.
2. Васильева С. В., Бураева С. В. Иркутско–Амурская епархия: 100 лет в истории Древлеправославия. Улан-Удэ, 2012. 166 с.
3. Евтехов Р. А., Малыгина О. А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII–начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 3 (34). 2016. С. 22–31.
4. Евтехов Р. А. Законодательная база деятельности городской полиции в XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. История. Вып. 7. Улан-Удэ, 2015. С. 225–229.
5. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. Москва: РОСПЭН, 2001. 278 с.
6. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. — Т. 1–7.
7. Малыгина О. А. Военное губернаторство Забайкальской области (вторая половина XIX–начало XX в.): социокультурный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. № 7. 2015. С. 180–184.
8. Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е. Власть и общественные организации Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. № 7. 2014. С. 19–22.
9. Поляков Ю. А. Население России в 20 веке: в 3 т. Москва: РОСПЭН, 2000. Т. I.: 1900–1939. 460 с.
10. Фартусов Д. Б. Вклад коллектива ученых исторического факультета БГУ в изучение репрессий в БМАСР в 1920–1950-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Вып. 2. 2016. С. 64–68.
11. Фартусов Д. Б. Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы // Гуманитарный вектор. Т. 12. № 4. 2017. С. 28–32.

С. В. Васильева, Д. Б. Фартусов. «Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия»: демографический анализ

12. Фартусов Д. Б. Политические репрессии в СССР граждан Монголии и Китая на территории БМАССР // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Вып. 1. 2015. С. 72–77.

13. Фартусов Д. Б. Политический террор в Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. в отношении старообрядческого духовенства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 19. 2017. С. 112–116.

14. Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ, 2000. 162 с.

15. Шагдуров Ю. П. Государство и религиозные конфессии Бурятии в 1920–30 гг. // Исследование по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. С. 65–82.

Источники

16. Отдел специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия (ОСФ ИЦ МВД по РБ). Ф. 013. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–15.

References

1. Malygina O. A., Evtehov R. A., Palikova T. V. The formation of imperial institutes of governance in trans-baikal transborder area: problems of development of new territories (XVIII – early XX centuries) // *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. № 42 (4). 2016. p. 1110–1117.

2. Vasil'eva S. V., Buraeva S. V. Irkutsko-Amurskaya eparkhiya: 100 let v istorii Drevlepravoslaviya. Ulan-Ude, 2012. 166 p.

3. Evtekhov R. A., Malygina O. A. Gorodskaya politsiya v sisteme gosudarstvennykh institutov upravleniya Zabaikal'skoi oblast'yu v XVIII – nachale XX veka // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. № 3 (34). 2016. pp. 22–31.

4. Evtekhov R. A. Zakonodatel'naya baza deyatel'nosti gorodskoi politsii v XVIII v. // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. Vyp. 7. Ulan-Ude, 2015. pp. 225–229.

5. Zhiromskaya V. B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzgl'yad v neizvestnoe. Moskva: ROSSPEN, 2001. 278 p.

6. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Buryatiya* / sost. S. V. Vasil'eva [i dr.]. — Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010. — Т. 1–7.

7. Malygina O. A. Voennoe gubernatorstvo Zabaikal'skoi oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): sotsiokul'turnyi portret // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 7. 2015. pp. 180–184.

8. Palkhaeva E. N., Zhukova N. E. Vlast' i obshchestvennye organizatsii Buryat-Mongol'skoi ASSR v 1920-e gg. // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 7. 2014. pp. 19–22.

9. Polyakov Yu. A. Naselenie Rossii v 20 veke: v 3 t. Moskva: ROSSPEN, 2000. T. I.: 1900–1939. 460 p.

10. Fartusov D. B. Vklad kolektiva uchenykh istoricheskogo fakul'teta BGU v izuchenie rep-ressii v BMASSR v 1920–1950-e gg. // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii*. Vyp. 2. 2016. pp. 64–68.

11. Fartusov D. B. Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Zabaikal'skogo kraja o politicheskikh repressiyakh v 1930-e gody // *Gumanitarnyi vektor*. Т. 12. № 4. 2017. pp. 28–32.

12. Fartusov D. B. Politicheskie repressii v SSSR grazhdan Mongolii i Kitaya na territorii BMASSR // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii*. Vyp. 1. 2015. pp. 72–77.

13. Fartusov D. B. Politicheskii terror v Buryat-Mongol'skoi ASSR v 1930-e gg. v otnoshenii staroobryadcheskogo dukhovenstva // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. Т. 19. 2017. pp. 112–116.

14. Tsyrempilova I. S. Religiya i vlast' v Respublike Buryatiya: istoriya vzaimootnoshenii (1917–1940 gg.). Ulan-Ude, 2000. 162 p.

15. Shagdurov Yu. P. Gosudarstvo i religioznye konfessii Buryatii v 1920–30 gg. // *Issledovanie po istorii Sibiri, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1998. pp. 65–82.

Source

16. Otdel special'nykh fondov Informacionnogo centra Ministerstva vnutrennih del po Respublike Burjatija. F. 013. Op. 1. D. 355. L. 1–15.

“THE BOOK ON MEMORY OF VICTIMS
OF POLITICAL REPRESSIONS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA”:
DEMOGRAPHIC ANALYSIS

Svetlana V. Vasileva
Dr. Sci (History), A/Prof.
Department of General and Homeland History
Buryat State University
E-mail: sv_vasileva@mail.ru

Dmitry B. Fartusov
Leading Researcher of the Scientific library
Buryat State University
E-mail: d.fartusov@mail.ru

The article considers the potential of the «Book on Memory of Victims of Political Repressions in the Republic of Buryatia» as a historical source. After analyzing the data stored in 7 volumes of the «Book on Memory of Victims of Political Repressions», the authors of the article found out the data of statistical-demographic nature. In particular, they determined the gender, age and national composition, the level of education, the number of ministers of religious cults and the measures of punishment of people included in the 7 volumes of the Book of Memory. In conclusion, the authors note that such publications as the Book of Memory, based on archival sources, are a valuable historical source, since they facilitate the process of analysis and comparison of data.

Keywords: political repressions, the USSR, the BMASSR, Buryatia, the «Book on Memory of Victims of Political Repressions», historical source, terror.